

Ирина Чипиженко: «СТАРОСТИ НЕТ!»

Мы с Ириной Георгиевной Чипиженко, которой 21 августа исполняется 77 лет, перебираем старые памятные документы, письма, фотографии. Вот аттестат об окончании гимназии фон Дервиз (где когда-то училась великая поэтесса Марина Цветаева) ее бабушкой, Ольгой Николаевной Бот. Фронтовые треугольнички писем. Лица дорогих людей, давно и недавно ушедших из жизни... Прекрасная актриса, заслуженная артистка Ингушетии, последние годы играющая в Московском театре Луны (обязательно сходите на спектакль «Антракт» с ее участием!), Ирина Чипиженко многое повидала и многое пережила. Легкая на подъем, не привязанная к быту, она поездила по стране, поменяла много городов и театров. Но до преклонного возраста сохранила удивительное жизнелюбие, оптимизм и чувство юмора. С ней очень приятно разговаривать – чувствуешь, насколько это добрый и позитивный человек. И очень талантливый.

– Насколько я себя помню, вокруг меня всегда были женщины, – рассказывает Ирина Чипиженко. – Своего дедушку я никогда не видела и поначалу даже не знала о его судьбе. Первое мое детское ощущение – почему-то рядом со мной только мама, Нина Чипиженко, и ее подруга,

Лина Дубинина, которая была заместителем директора театра. Только потом, став намного взрослее, я поняла, что в нашей семье произошла трагедия. В 1937 году, когда я родилась, арестовали моего деда, бывшего царского офицера. После ухода из армии он преподавал в школе. Тогда

наша семья жила в Туле. Бабушка, Ольга Николаевна, тоже работала в школе, преподавала французский язык. Ее арестовали вслед за дедом, в 1938, они оба получили по десять лет. О деде мы совсем ничего не знали. Потом узнали, что ба-

Дед Чипиженко Федор Иванович

В центре прабабушка Софья Николаевна Бот, по краям бабушки, слева Ольга Николаевна, справа Софья Николаевна

бушка сидит в лагере где-то на Урале. Ближе к окончанию войны она вернулась, отсидев восемь лет. Тогда наша жизнь разделилась – я была то с мамой, то с бабушкой. Мама, актриса, ездила по разным театрам, а мы с бабушкой тоже ездили по Союзу, поскольку ей нельзя было возвращаться в родную Москву. Я поменяла восемь или десять школ. И бабушка, и прабабушка, и прадед родились в Москве. Это была московская семья. Все семейные могилы были на Ваганьковском кладбище. Мы пытались их найти, но ничего, конечно, не нашли – очень много лет прошло. Мама тоже родилась в Москве, а потом семья переехала в Тулу, где она служила в ТЮЗе. Мой папа тоже был актером, он ушел добровольцем на фронт и пропал без вести... Только недавно мы выяснили, что деда расстреляли. Его с бабушкой реабилитировали за отсутствием состава преступления, и мы получили документы, что они были не виноваты, и что дед якобы умер от пневмонии в 57 лет. А потом друзья из Тулы прислали вырезку из газеты, где сообщалось, что под Тулой была расстреляна целая группа военных, и среди них Федор Иванович Чипиженко, мой дед. Мама в браке не поменяла фамилию, и я, выходя замуж, тоже не меняла. Так она и продолжалась...

– Почему маме приходилось так часто ездить?

– Все актеры меняли тогда место работы по каким-то соображениям. Что-то не состоялось, где-то не получилось – с режиссурой, с жильем. Существовала актерская биржа. Тебя приглашали, и ты приезжал, чемодан ставился на попу, накрывался тряпочкой, на него – зеркало, увешивалось все афишами, было, где спать. Никто ни о чем другом даже не думал. Мама была невероятно звонкая, громкая, словом, очень хорошая острохарактерная актриса. Ей часто говорили:

Мама Нина Федоровна на сцене

«риано». Считаю, что у нее был прекрасный характер. Будучи студенткой, я встретила одного из режиссеров, который был художественным руководителем театра в Германии. Мы разговорились, и я сказала, что моя мама – актриса. «А как ее фамилия?» – спрашивает он. Я говорю: «Вряд ли вы ее знаете, она работала на периферии. Чипиженко». Вдруг он говорит: «Можно не запомнить Иванову, Петрову, Сидорову, но Чипиженко – если один раз увидел, никогда не забудешь».

– А бабушка какой была?

– Бабушка – сплошной наив, хотя она прошла через лагеря и всякие издевательства, и это было ужасно. В лагере она шила обмундирование для фронта, и на ее станке стоял вымпел стахановки. Враг народа – и стахановка! Когда ее освободили, начальник лагеря ей сказал: «Если ты кому-нибудь будешь рассказывать, как ты здесь жила, я тебя найду, и ты сгниешь в лагере». Бабушка была удивительным человеком. Театр любила безумно. В свое время, как она мне говорила, после гимназии она очень хотела поступить в театр и быть актрисой. Но разве можно было девушке из дворянской семьи полковника кадетского корпуса говорить о театре? Отец сказал ей: «Олечка, это должна быть либо содержанка, либо жена режиссера или антрепренера, тогда это возможно». Но театр она продолжала любить всю жизнь, всегда на все премьеры приходила, ей все всегда нравилось. Она была удивительно светлым человеком, невероятно любящим людей и верящим в них. Приходит бабушка, например, с сияющими глазами: «С каким человеком я познакомилась! Умный, интеллигентный!» – «Бабушка, откуда ты знаешь?» – «Да он сам мне об этом рассказывал». Вот такой наив! Она не сломалась после перенесенных испытаний. Всегда рядом с ней была детвора. Она очень любила детей.

Бабушка Ирины - Ольга Николаевна Бот и Ирина Чипиженко (5 лет)

«БАЛ НЕСПЯЩИХ»

– Какой вы были в детстве? Наверное, перед вами не стоял вопрос выбора профессии?

– Никогда! Как-то все шло само собой. Я была довольно хулиганистой. Меня окружали в основном мальчишки. Мы же в принципе были брошенные, весь день проводили на улице, во дворе. Мама работала, бабушка еще не освободилась из лагеря. Я ходила в круглосуточный детский сад, в пионерские лагеря меня отправляли. Всегда среди людей, среди актеров, ночевала, где придется. И в кулисах, на каких-то сундуках, на декорациях. На чем я только не ездила: на волах, на быках, на грузовиках. Где только нас не носило! И мы были счастливы. Я всю жизнь безумно люблю животных. Мне не важно: птицы ли это, рыбки, собаки, кошки, насекомые – я всех любила. А ведь шла война, голод, холод. В городе Уральске мы жили в бывшем септическом отделении родильного дома. Целый комплекс был выселен, потому что там завелась какой-то жучок, и мы в этом пустом здании занимали большую комнату в длинном коридоре, одну из бывших палат. Посередине стояла печка с трубой. Рядом помойное ведро и железные койки, на которых мы спали. Все пространство было заставлено ящиками, картонками с птичками. Вокруг ходили наши голодные кошки, которых я собирала, лечила, кормила. Причем эти кошки не трогали моих птиц. Смотрели, правда, горящими глазами, но не трогали. И бездомные собаки, которые к нам приходили и жили за каждой дверью этого барака. За каждой дверью было что-то постелено, тут Белка, тут Стрелка, тут еще Кузя. Питались тем, что было. Еда делилась между всеми. Когда мы жили в 300 километрах от Уральска, мы там зимой разгружали гурты, освобождали их от снега, а летом работали на току. Я прошла все. И на прицепе работала, и зерно грузила, такое было детство.

И все равно оно было счастливым. Всегда ходили голодные, но не было тех проблем, которые есть сейчас, когда жизнь более налажена. Думалось о хорошем, о светлом.

– Помните ли вы ваш первый выход на сцену? Как это было?

– Во время войны мама работала в городе Уральске, и в местном театре поставили спектакль «Москва, Кремль». Там была сцена, когда Ленин приезжает к леснику в гости, а у лесника внук и внучка, которую играла я. Мы сидели на печке за занавесочкой, и когда приходил Ленин, спускались вниз. Он сажал меня на колени, и у нас с ним был диалог. Я получала кусок сахара во время спектакля. Фамилия этого актера была Смирнов, потом он играл в Москве. Помню, как у него дрожали колени, от ощущения того, что приходится играть великого человека. Несколько лет шел этот спектакль. Программку я не нашла, но там было написано «Ира Чипиженко». Во время войны я получала взрослую хлебную карточку, платили за каждую репетицию и за каждый спектакль.

– Вы много переезжали. Легко ли налаживали контакты с новыми людьми?

– Абсолютно легко. Для меня это не было проблемой. Я всегда со всеми находила общий язык, легко знакомилась. И мама такая же, и бабушка. А вот моя внучка в детстве была более закрытая. Приходим с ней в Парк Горького, там кто-то из детей играет, но она сама не подойдет, не познакомится. Это я должна была делать. Я их знакомила, и тогда они шли играть вместе. Новое поколение другое. Может, я кого-то обижаю, но такое впечатление, что молодежь растет без корней. Для нас бабушка и дедушка – это было свято, мама тем более. Какие могут быть разговоры? А сейчас смотрю, как распадаются вот эти переплетения в семье, когда родители ненавидят своих

детей, дети ненавидят родителей, ждут, пока бабушки-дедушки освободят квартиру... У меня в голове это не укладывается. Не понимаю, как так можно жить.

– Где вы учились?

– В Щукинском училище. И немного в цирковом. Когда я закончила два курса, ректор училища Борис Захава меня вызвал к себе и сказал, что есть шанс перевести меня сразу на четвертый, минуя третий курс. Он сказал: «Тебе надо работать. Ты явление раз в сто лет». И меня перевели. Сдала какие-то нужные экзамены и за три года закончила институт. Но у меня не было московской прописки. Мои тетки, двоюродные сестры бабушки, жили на улице Чайковского. До революции там был фамильный особняк семьи Бот, а когда все отобрали, сестрам дали по комнате в том же особняке, где сделали коммунальные квартиры. Однажды бабушка, придя к сестрам, сказала: «Девочки, ну, пропишите Ирку, она не будет у вас жить». А они ответили: «Сейчас она не будет жить, а потом захочет, и ее никуда не выгонят, если мы ее пропишем». Я была в подвешенном состоянии, жилья не было, и мне пришлось уехать. Поехала в Омск, но новый художественный руководитель театра многих актеров привез с собой, и там нечего было делать. Я уехала в Барнаул, где я прекрасно работала в драматическом театре. Там был замечательный режиссер и очень хорошие роли. Но с жильем было трудно. Когда стала оттуда отпрашиваться, директор кричал: «Ни за что!», но все-таки пришлось ему меня отпустить. Тогда я поехала к маме в Грозный, где мама проработала двадцать лет, а я десять. Это был интернациональный город. Люди разных национальностей жили дружно, как одна семья. Все любили друг друга. Нас поселили в доме, где жила интеллигенция, сотрудники Министерства культуры, актеры, и среди них – Махмуд Эсамбаев. Бывало, Махмуд выходит, маме ручку целует и говорит: «Нина Федоровна! Вот как кроме меня никого не видно в «Лебедином озере», так кроме вас не видно никого в спектакле». Мы ходили к соседям играть в преферанс. Чеченские актеры приходили после репетиции и, сильно извиняясь, ели котлеты из свинины, потому что никто из стариков не видел, а есть хотелось. Забегут быстро, попьют чайку, поедят. Все было замечательно. Для них люди, которые ехали в республику работать, были неприкасаемыми. На рынке кричали: «Смотри, Хатума, кто пришел! Наша любимая артистка пришла!» Очень хороший был зритель, совершенно потрясающий. И актерский коллектив очень хороший был. Редко какой московский театр мог похвастаться всеми амплуа, какие были у нас. Недавно я вновь была в Грозном, приезжала на юбилей театра имени Лермонтова. Это шикарный, абсолютно новый,

прекрасный город. Но, увы, совершенно другой. Ничего похожего на то, что было раньше. Не осталось ни одного уголочка, который бы напоминал о старом Грозном...

– Как вы впервые вышли замуж?

– Это случилось в Лиенае, где работала мама и где я заканчивала школу. Я там тоже в театре Балтфлота сыграла две роли. Ездил с ними в Германию и Польшу. В одном из спектаклей, в комедии, играла мальчика. В Лиенае мы жили над театром. Внизу был гастроном, тут же был вход в театр, а наверху несколько служебных комнат. В одной из них мы с мамой жили, а напротив нас жил актер, которого за пьянство выгнали из МХАТа, правда, прекрасный актер. В театр на премьеры приезжали шикарные дамы со своими мужьями, потом устраивались банкеты, на которые ходила мама. А мы, молодежь, ходили или на танцевальные вечера, или в клуб к морякам. Три моряка, три друга стали ухаживать за мной и моей подружкой. Один всех отшил и сказал, что женится на этой девчонке, то есть на мне. Его звали Евгений Бахарев. Но свадьба состоялась позже, поскольку мы с мамой уехали из Лиенаи, и только в отпуск я вернулась туда к своей подружке. И первым человеком, кого мы случайно встретили на улице, был Евгений. «Вот как хорошо, Женя! – сказала тогда моя подружка. – Приходите к нам!» И он этим воспользовался, начал ходить, ходить и ходить. А я не собиралась замуж. И вот однажды я прихожу, а в моей комнате стоит чемодан. На мой вопрос: «Что это?» подружка ответила: «Мы сказали Жене, чтобы он не валял дурака и переезжал». Так они нас и поженили. Женя безумно хотел расписаться и потащил меня в ЗАГС. Стали искать мой паспорт – не нашли. Оказывается, я его «поселяла» на почте. Когда паспорт, грязный и затоптанный, нашли, ЗАГС уже закрылся. Приехали в другой раз, а на двери была большая табличка прикрепленная «ЗАГС сегодня закрыт». Опять уехали ни с чем. Потом ему надо было уходить в море, он был капитан-лейтенант. Я говорю: «Вот когда вернешься через неделю, тогда мы поедем в ЗАГС, и все будет нормально». После его возвращения уже тянуть было нельзя. Мы, наконец, расписались и начали нашу совместную жизнь. У нас стояла узенькая коечка, спать на которой было невозможно. Он крутился, я падала, я крутилась, он падал. Пришлось купить широкую деревянную кровать. В нашей комнате стоял большой телевизор. Вся семья моих друзей, которые нас очень любили, нисколько не стесняясь, открывали нашу дверь и говорили: «Ребята, мы пришли телевизор смотреть». Рассаживались, и нам приходилось потихоньку вылезать из постели. Но отношения наши не сложились. В это время мама уехала в Грозный, а потом я тоже по-

ехала туда. Приехав в театр, обнаружила приказ о зачислении меня в труппу. А Евгений, мой муж, собрался переезжать в Обнинск. Я сказала, что туда не поеду, так как там нет театра. Начались по этому поводу конфликты, и нам пришлось расстаться. К тому времени у меня родилась дочь.

Ирина Чипиженко и дочь Елена

– Где родилась ваша дочь?

– В Грозном. Когда мы туда приехали, то жили у армян, в зимнем пчелином домике, в саду. Это был 1957 год. Дочь там окончила школу, потом поехала с мамой в Москву и поступила в институт иностранных языков имени Мориса Тореза. Чтобы иметь какое-то жилье, она устроилась в фирму «Заря», работала няней и училась. Получила служебную комнату, в которой они с мамой жили. Я к ним приехала и во второй раз вышла замуж. Мой второй муж, человек с большими амбициями, в свое время закончил ГИТИС, был режиссером и директором нескольких фильмов на киностудии имени Горького. Мы были знакомы весь период студенчества и решили пожениться. Потом он говорил: «Надо же, из всей Москвы я ее выбрал. Чего это вдруг?» Жизнь не сложилась. Пришлось расстаться. Мне отказывали в приобретении кооператива на том основании, что у меня, мол, есть жилье бывшего мужа, а я настаивала на том, что никакого отношения к этому жилью не имею. Промуржили несколько лет, но в конце концов я получила разрешение. Таким образом, я получила эту квартиру, в которой мы сейчас живем с внучкой. Это все богатство, которое мы нажили. Мама в прошлом году умерла, не дожив месяца до своего столетия. Дочь вышла замуж за итальянца и живет в Италии, в Парме. А внучка не захотела ехать в Италию. Она от первого мужа моей дочери. Внучке три-

дцать лет. Она окончила институт, госслужащая.

– А в третий раз вы не выходили замуж?

– Нет, не выходила, потому что в этом плане я удивительно неудачливый человек. В течение двенадцати лет я потеряла троих, очень любимых людей. Только все шло к тому, чтобы быть вместе, и человек умирал. Последним был очень талантливый драматург и писатель Юрий Оснас. У нас были серьезные отношения, я жила в его доме. Мы собирались подавать заявление в ЗАГС. Юра работал дома и дважды в неделю ходил на верховую езду и на теннис. В тот день он, как обычно, пошел на верховую езду. Упал с лошади уже мертвым... Мне позвонили – инсульт. Вот так развалилась моя последняя история, ушел близкий человек, с которым я хотела прожить всю оставшуюся жизнь...

– Как вы переносили эти потери? Что вам помогало в жизни?

– Только работа, театр, кино и друзья. Я говорю: «Старости нет. Есть леность и дряхлость». Когда человек остается один на один с собой, от всего отказываясь – сразу наваливается все: годы, болячки. Я не меряю давление, не пью никаких лекарств, я оптимист. Деревья умирают стоя – я из той категории. Хотя жизнь и стремительно летит под откос, «но цветут золотые шары», как написала моя любимая поэтесса Елена Ерофеева-Литвинская! Не могу сказать, что совершенно здорова. У меня и астма, и ноги болят, и устаю. Я курю, хотя и астматик. Но я никогда не думаю о возрасте. Первый раз задумалась, когда в театре справляла мой юбилей. После вечернего спектакля должен быть банкет, и вот я встала утром и думаю, что же мне надо сделать. Пришла на кровать и вдруг осознала: «Боже мой! Не 50, не 60, а 70. Быть не может!» Сразу вспомнила старые произведения, нашу классику – «на пороге стояла старая женщина лет сорока пяти», а тут 70! Не сидите без дела, займитесь чем-нибудь! Вышивайте, пишите мемуары, стихи, читайте детям сказки, любите друг друга.

– В этом году «Работнице» исполняется 100 лет. Что бы вы могли пожелать журналу и читательницам?

– Мне нравится направление журнала. «Работница» – журнал без желтизны, без гламура. Все это давно надоело и не нужно. Сейчас надо возвращать наши старые жизненные понятия – дружбу, верность, честь и совесть, любовь. Любовь во всех проявлениях. Только это может нас спасти. И какими будут наши женщины-работницы, такими станут наши мужчины, наши дети и внуки. В добрый путь!

Беседовала
Влада **АНДРЕЕВА**